

У каждого номера нашего журнала есть символ, который отражается на обложке и в теме номера. В ЭС-1 таким символом была музыка космоса, которую извлекают руки скрипача, а темой номера — «неизвестные известные». «Таких вальсов нынешний фестиваль хаоса наигрывает бесконечно много. И всеобщего критерия для оценки, для ориентации, для мироощущения, для поведения всех нас в этой какофонии хаоса, кажется, нет...». Более того, во вступительном слове к первому номеру, вышедшему в середине февраля, также сказано: «Главное — ... в наличии потенциала и намерений людей устроить какой-нибудь Армагеддон, как бы его ни называть... А „ради чего“ — бездна вариаций... И „музыка сфер“ — все громче... За всем этим стоят не только интересы и не только их интерпретации. Игра. Великая, азартная...»².

Со словом «игра» связана не только музыка. Есть разные игры. С правилами и без них, включая такую игру, как «ужин с дураком». Но большая игра — всегда музыкальна и всегда излучает волны. И этот волновой ансамбль воплощает что-то исключительно важное в ноосфере в общем и в человечестве в частности. Словами это «нечто» выразить можно так же, как запечатлевает эпоху живопись или архитектура. Но музыка, вне всякого сомнения, выражает смысл времени, событий и цивилизаций глубже, точнее, пронзительнее.

Так, искусство мугама с его циклическими композициями, малыми и ансамблевыми формами, творческим осмыслением исполнителем мугамной информации и его свободой в выборе частей, порядка, состава композиции, с вариациями в зависимости от сезона и времени суток — это крохотная вводная в это великое искусство. Если учесть, что корни этого жанра музыки уходят в ритуальные песнопения зороастрийских жрецов, что с ним были связаны последователи античного учения «гармонии сфер», что еще в XII веке были уже известны 12 видов мугама, что потом образовались космологическое и математическое направления мугама, что и в наши дни теория и искусство мугама продолжают быть важнейшим искусством идентификации культуры нации и цивилизаций, то поле восприятия этого древнейшего жанра музыки расширяется до невероятных высот, перспектив и ретроспектив, ассоциаций и глубин.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-2.182.2022.5

КОНЦЕРТ ОКОНЧЕН?

Пример мугама важен для того, чтобы подчеркнуть таинство цивилизаций, сокрытое в музыке и их глубинных ценностях.

Есть и исторически более близкие примеры. Достаточно вспомнить, как был «поставлен на службу» Рихард Вагнер в XX веке или какую роль сыграла 7-я симфония Д.Д. Шостаковича, или как музыка становилась поводом для политических оргвыводов. Даже если все глубинные взаимосвязи не осознаются исполнителями, они есть и действуют с сокрушительной силой — подсознательно, надсознательно, на коллективное и индивидуальное сознание.

Еще в античном словоупотреблении музыкой считалось или ремесло, или «тайное знание о предметах божественной деятельности муз». На фронтальной панели «Саркофага муз», который теперь в Лувре, а раньше находился на Остийской дороге под Римом, — Клио, Терпсихора, Мельпомена, Каллиопа... Этих упоминаний достаточно, чтобы не относиться к музыке как к «фону». Возможно, падение нравов в обществе начинается с воцарением «поп-культуры», шлягерной поэтики, с примитивизацией гармоний, ритмов и мелодий, их вырождением в пошлый эстрадный «моветон», приближающийся к концепции Эдуарда Ганслика о том, что «музыка состоит из звукорядов, звукоформ, которые не имеют никакого другого содержания, кроме самих себя».

Музыка стала предметом санкций. В самых престижных залах мира отменяются концерты и представления, если на афишах, например, П.И. Чайковский. Логика действий неумолима: сначала запрет национального гимна на спортивных состязаниях с приданием де-факто статуса гимна фрагменту концерта для фортепиано П.И. Чайковского, но теперь дошла очередь и до самого композитора и созданных им шедевров. Но дело в действительности гораздо глубже — новый миропорядок формируется на осознаниях и ощущениях исчерпанности традиционных музыкальных форм. Еще Арнольд Шёнберг начал осмысливать серию звуков как замену мелодии. Но подробности — за пределами этого сюжета. Как эксперименты в живописи и поэзии предвещали революции начала прошлого века, так и сегодня санкции вплоть до запрета музыки отражают радикальность, «армагеддонность» происходящих перемен.

В санкционных изобретательских упражнениях просматривается неумолимая логика и прагматика. И это — логика расчеловечивания, раскультирования, расцивилизовывания выбранной мишени атаки, уничтожения любой хромосомы, воспроизводящей в веках эту самую атакуемую культуру. Прагматика же ситуации — в решении фундаментальных задач миропереустройства, в которой влияние цивилизационного «многоценствья» следует исключить, дабы не мешало оно основной игре, в которой ставки взвинчены до нескольких эквивалентов Карибского кризиса 1962 года.

Но окончен ли концерт?

Ведь «всё — преходяще, а музыка — вечна!» Так говорил Маэстро.

¹ «К невозможному никого не обязывают...» (пер. с лат.).

² Агеев А.И. Неизвестные известные // Экономические стратегии. 2022. № 1. С. 5.